

Раньшэ не была жэ этих самых лодак; камейки были у нас, черяпушки. И у деда своя камейка, а он был ахотник, рыбак был, семью-та кармить нада была, он адинацатый сам, адинацатый был дет. Ну вот... кармить-та нада была семью каким-та образам, ну и вот.

У нево хороший сат был, у деда, там, девять пастроек – немцы сажгли ва время вайны, при мне. Я пашол, тётке гаварю, я гаварю: «Пайду». Ани [немцы] гаварят: «Срывай крышу, и мы не сажгём». А мне была адинацать лет, двенацатый, где я мок там, а я маленький ростам был очень, маленький ростам был. Ана [тетка] гаварит: «Я тебе дам! Эта новый дом толька выстраен, – там два дома сажгли ани, – там тока тронь – тя захлапнет, как в мышылофке». Хе-хе. Гаварит: «И не патхади блиска».

А немцы фсе: «Убьёт». И выкатали, статива, фсё вынесли да нитки аттудава з дома, што была аставили там на чердаках, фсё! Ну их там челавек двацать, наверна, была: маладые фсе ишшо, играют, смеюца, ну такие лет па двацать – по двадцать аднаму, такие. И фсё эта выбрасали и сажгли. Девять пастроек! Вот.